

18+

**ВЕРТ**  **ЛЕТ**

**Д**

**АКАПУЛЬКО**

**ВИКТОР УЛИН**

**ПОСЛЕДНИЙ**



Виктор Улин

**Вертолет до Акапулько. Последний**

«Издательские решения»

**Улин В.**

Вертолет до Акапулько. Последний / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605992-4

Герой — мужчина, приближающийся к возрасту зрелости, достаточно усталый и не очень счастливый — случайно находит в газете предложение о небольшом приработке. Заведение, куда он приходит, оказывается фото-видеостудией, производящей контент, выходящий за границы общепринятой морали. Радикальное вызывает жгучий интерес. Ситуация обостряется тем, что между ним и фотографом вдруг возникает нечто, совершенно не ожидавшееся в начале.

ISBN 978-5-00-605992-4

© Улин В.

© Издательские решения

# Содержание

Глава первая	6
1	6
2	7
3	10
4	13
5	15
6	16
Глава вторая	17
1	17
2	18
3	22
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Вертолет до Акапулько Последний

**Виктор Улин**

*Дизайнер обложки* Виктор Улин

*Фотограф* Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5992-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«От терпения опытность, от опытности надежда.»*

*(Рим. 5:4)*

## Глава первая

### 1

– И это называется – «раздеться»? – с усмешкой сказала женщина.

– Ну да... а что? – я смутился, не ожидав такого вопроса.

Она усмехнулась еще раз, ничего не ответила, лишь разглядывала меня, потом обошла кругом.

Я стоял, как столб, и уже не понимал, зачем сюда пришел.

## 2

Рекламную газету мне сунули в почтовый ящик вместе с коммунальными счетами.

С работы я возвращался, как сомнамбула: автоматически ее прихватил, дома кинул на диван в гостиной, обнаружил после ужина, когда присел к столу, чтобы разобраться с платежами.

Бумажная пресса агонизировала; объявления типа «*куплю-продам*», «*сдам-сниму*», «*ищу-предлагаю*» перебрались в Интернет.

Сложенный вдвое лист, напечатанный ядовитым растром, напомнил начало «*нулевых*» – время, когда мне было чуть больше двадцати и жизнь обещала приятные цвета.

Я не любил отдавать деньги. Я заболел, когда приходилось платить не за отпускной круиз, не за абсент, тушку кальмара, новые джинсы или хотя бы галстук – а за коммунальные услуги, то есть по сути ни за что.

Захотелось оттянуть момент, после которого настроение будет испорчено.

Не найдя ничего лучшего, я развернул газетку.

На первой странице предлагалась какая-то чудодейственная дрянь для пенсионеров. В середине шел подбор краеведческой чепухи, разбавленный пафосной статейкой о местной хоккейной команде. На четвертой пестрел раздел «*разное*».

Здесь всплыло дежавю: кто-то упорно пытался продать «*БМВ*» и «*Ауди*» конца восьмидесятых, хотя сейчас их не брали даже на авторазбор.

За каких-то полминуты дешевая краска въелась в мои пальцы. Я уже хотел смять дрянную бумажонку, как взгляд уткнулся в последнее объявление.

Оно звучало лаконично:

*«Требуется мужчина с хорошими внешними данными для съемок в качестве фотомодели при демонстрации современной моды.»*

Названия дома мод не имелось, были указан лишь мобильный номер да имя контактного лица – Нателла; гарантировалась почасовая оплата наличными.

В конце зимы я сменил работу – точнее, нашел новую после того, как фирма, где я возглавлял отдел *IT*, неожиданно обанкротилась. Как всегда в переходный период, наступил денежный провал.

Я был готов на любые приработки; стал бы даже таксовать, если бы мой двухлитровый «*Дэу Магнус*» – более известный как «*Шевроле Эпика*» – не расходовал слишком много бензина.

Но не только побочные деньги побудили выудить красный маркер и отчеркнуть телефон.

Мне, одинокому и неженатому, было тридцать девять лет.

В жизни я перепробовал практически все, кроме киднэппинга и наркотиков. По-настоящему меня уже ничего не привлекало и не волновало, все надоело до чертиков; не виделось перспектив эмоционального обновления.

По словам женщин, я был высок, строен и красив.

Никогда не пробованная роль манекенщика могла привести неожиданную остроту в нынешнее вялотекущее болото.

Прямо сейчас я звонить не стал, решил дождаться более благостного состояния.

Я немного выпил кальвадоса, купленного по случаю и застоявшегося в холодильнике.

Затем просмотрел счета и убедился, что все не так плохо, как могло быть.

Потом выпил еще, но к телефону не потянулся.

По своему опыту я знал, что вечер не всегда бывает лучшим временем суток; у неизвестной Нателлы могли сгуститься проблемы.

Позвонил я на следующий день, в обед.

У местных татар встречались несуразные имена; я знал мужчину по имени Фердинанд и женщину Флиду. Изначально я подумал, что Нателла из того же разряда.

Голос, который ответил – низкий, суховатый, но не неприветливый – не имел характерного акцента. Видимо, подательница объявления была армянкой.

Иметь дело мне предстояло не с домом мод, а с фотостудией.

Газета лежала в моем ящике несколько дней, да и печаталась не за минуту. Но модели требовались до сих пор.

Нателла назначила время на ближайшую субботу и прислала СМС с адресом.

Там значилась квартира в жилом доме, но подвоха я не почувствовал.

Сейчас все цоколи по городу были заняты офисами, студия могла состоять из одной комнаты.

Дом был старой «хрущевкой» из плит, облицованных галькой.

Взглянув на таблички и прикинув номера квартир, я понял, что нужная находится на пятом этаже.

Это уже слегка удивило.

Я приехал раньше назначенного.

Будучи деловым человеком, я знал, что в реальном бизнесе «раньше» может оказаться хуже, чем «позже». Поэтому я вернулся в машину и сидел, барабанил пальцами по искусственной карельской березе, которой был отделан тоннель.

За три минуты до часа «Ч» я выбрался из-за руля.

Красный фонарик, вспыхнувший на открытой дверце, предупредил, как светофор.

Возможно, следовало одуматься, не бросаться в непонятную авантюру.

Но я не привык отступать.

Мигнули габаритные огни, машина согласилась подождать.

Лифта тут не имелось, подниматься пришлось по выщербленной лестнице. Правда, не было и мусоропровода, что избавляло от вони.

На полпути мне пришлось постоять на заплыванной площадке, чтобы разминуться со встречными.

Откуда-то сверху спускалась пара – благообразный старик с изжелта-седыми волосами и скромно одетая школьница.

Когда, весело переговариваясь, они прошли мимо, я почувствовал аромат дорогого геля для душа. Видимо, бабка приказала старому пню как следует умаститесь, возвращая внучку родителям.

Студия притулилась около железной лестницы на чердак.

Едва отворилась тяжелая бронированная дверь с внутренним видеодомофоном вместо глазка, как в лицо мне дохнуло тем же гелем.

Жители этого дома – с виду обычной помойки – были помешаны на чистоте, причем денег не жалели.

Нателла оказалась довольно приятной, невысокой черноглазой и темноволосой женщиной чуть моложе меня.

Короткая стрижка, просторная рубашка в красно-черную клетку и тугие синие джинсы говорили о крепком характере.

На ее шее не висело камеры, но быстрому оценивающему взгляду я понял, что она и есть фотограф, который собирается меня снимать.

Впустив, Нателла попросила показать паспорт.

Я не удивился, протянул темно-коричневую книжечку. Паспорта сейчас требовали на каждом шагу, и вряд ли в темноватой передней на меня могли сразу навесить кредит.

С паспортом все казалось в порядке, Нателла провела вглубь.

Квартира была стандартной двухкомнатной.

Дверь напротив входной оставалась приоткрыта, оттуда доносилось разноголосое натужное гудение нескольких компьютеров, шлепались невидимые сообщения.

Сама студия располагалась во второй, большой комнате.

Казалось, я попал в какую-то иную реальность.

Окно с балконом было наглухо зашторено, у стены поблескивала лестница с рулонами узорчатой бумаги невероятной ширины. Нижний, затоптанный у края, был развернут и расстелен.

Кругом теснились стулья, столики, креслица. В одном углу притулился кокетливый диванчик, в другом раскинулась широкая кровать.

На полу лежали кабели; на треногах возвышались потухшие лампы, от них еще шел жар.

Отдельно стоял штатив, на котором чернело нечто среднее между большим фотоаппаратом и компактной видеокамерой.

Стойки с одеждой, которую я ожидал увидеть, не было; торчала лишь пустая вешалка рядом с зеркалом на шарнире.

Я не успел ничего спросить – женщина велела раздеться и ушла.

Играть приходилось по здешним правилам.

Вероятно, одежда хранилась во второй комнате. Нателла должна была оценить мое сложение, чтобы принести нужную.

Я расстегнулся, повесил на плечики костюм и рубашку, остался в одних трусах.

Когда я крикнул, что готов, вошла хозяйка студии и огорошила вопросом.

### 3

– Я же вам ясно сказала – раз-деть-ся.

Голос звучал спокойно, если не сказать равнодушно.

Вероятно, она имела дело со множеством подобных мне.

Но я, в самом деле, ничего не понимал.

Даже если из «современной моды» предстояло демонстрировать только трусы, оставалось неясным, зачем для этого раздеваться догола.

– А я разве не разделся? – возразил я.

– А это что? – без всякого стеснения она повела головой в мою сторону.

– Но Нателла говорила, что мне придется рекламировать коллекцию модной одежды...

Или вы не Нателла? и я разговаривал не с вами?

Мне пришло в голову, что эта женщина все-таки не фотограф, а ассистентка, которой захотелось покуражиться сообразно обстоятельствам.

– Я Нателла, – подтвердила она. – И вы разговаривали со мной. Насчет одежды – объясню потом, если понадобится. А сейчас снимите, пожалуйста, трусы.

– Но скажите – зачем?

Я продолжал упорствовать.

Я так и не понял, что от меня требуется, но решил, что стоит сразу все прояснить.

– Вас ведь Владислав зовут? —спросила Нателла вместо ответа. – Или я ошиблась?

– Ошиблись, но не до конца, – ответил я. – На пятьдесят процентов. Я – Владимир.

– Извините, больше не ошибусь. Так вот, слушайте, Владимир.

– Слушаю.

– В объявлении было написано про мужчину с хорошими внешними данными, так?

– Так.

– Ваши данные хорошие. Но рекламировать вы будете не костюмы – на это желающих хоть отбавляй. Меня, будем говорить прямо, интересует та часть тела, которую вы так упорно прячете.

Слова были неожиданными.

С другой стороны, они кое-что проясняли.

– Но зачем она вам? Для чего вы меня пригласили?

Нателла молчала, смотрела изучающее.

– Я вроде шел на подиум, а куда попал? Куда вы набираете исполнителей? В публичный дом?

– Не совсем. То есть совсем нет. То есть, можно сказать, в публичный дом, но виртуального порядка.

– Это как?..

– Ладно, Владимир, пора назвать вещи своими именами. Я собираюсь фотографировать вас не для модного дома, а для порнографического журнала.

Кажется, все выяснилось до конца, хоть подобного и не ожидалось вначале.

Я покачал головой.

Еще утром, бреясь перед зеркалом, я представить не мог, что еду в полуподпольную контору, где меня будут фотографировать для женского журнальчика.

Как всякий нормальный мужчина, в подростковом возрасте я жадно пил чашу порнографии.

Но – как еще раз нормальный – с вступлением в мужскую жизнь отверг прежние пристрастия, даже вспоминать про них было стыдно.

– Сами понимаете, Владимир, озвучивать такое предложение в нашем анальном городе, мусульманской столице России, невозможно. Приходится приманивать на огонек по-другому.

– И вы меня приманили, – констатировал я.

При всей неожиданности ситуации, мне стало смешно.

– Ну типа того, – Нателла усмехнулась. – Но, конечно, если вас это шокирует, пожем друг другу руки и разойдемся навсегда.

Я опять помолчал.

Здравый смысл и статус солидного человека велели ехать прочь.

Но обыденность жизни говорила, что отказываться глупо.

В конце концов, меня не принуждали ни к чему, кроме откровенных фотографий.

– А почему бы не попробовать? – наконец заговорил я. – Ведь, как вы изволили выразиться, от меня ничего не убудет.

– Не убудет, не убудет. Снимайте вашего Кельвина Кляйна. Вряд ли увижу что-то новое. И уж точно вам ничего не оторву.

– Не оторвете? – переспросил я, подстраиваясь под ее шуточный тон.

– Нет. Давайте сразу выложим на стол все пять тузов.

– Давайте.

– Я всего лишь фотограф, работаю на несколько порножурналов...

– Каких? – невольно перебил я.

– Неважно.

Нателла вздохнула.

– Если точнее, когда-то сотрудничала с одним крупным российским порнохолдингом. Был такой – «Господа Икс». Держал несколько серий: «Мисс Икс», «Мистер Икс», «Он и она». Выходили даже «Голубая лагуна» и «Розовая пантера». Все смысла мутная волна целомудрия. Больше здесь никогда не будет порнографии.

– Никогда?

– Никогда. Кто попытается возродить, тому оторвут голову. Зато собаки всегда будут гадить на улицах, хозяева не будут убирать говно, но их никто не будет штрафовать. «Это – Россия, детка» – как сказал бы какой-нибудь американец.

Нарисованная картина не отличалась от моей точки зрения.

– К счастью, успела наладить связи. Удалось переключиться напрямую на Запад, где не грозят местные законы. Также скажу...

– Понятно.

Я опять перебил, неизвестно зачем.

– Подождите, не договорила. Скажу, что как женщина я вам не страшна.

– А почему вы должны быть мне страшны? – уточнил я.

– Так, предупредила на всякий случай.

У этой Нателлы все шло по непериодической синусоиде: она то откровенничала, то уклонялась от ответа.

– Между нами возникнут чисто деловые отношения. Как мужчина вы для меня просто модель.

– Просто модель, – повторил я.

– Женщин-соло, кстати, тоже не фотографирую. Этим занимается Каша...

– Каша?!

– Ну да. Аркадий, мой партнер, мы с ним на пару владеем этой студией.

Она обвела рукой вокруг себя.

– Каша н работает с женщинами.

– А разве у фотографа и модели могут что-то значить гендерные предпочтения?

– Могут, и еще как.

– А как именно вы будете... достигать меня до вершины? – уточнил я, стоя истуканом.

– Дельный вопрос! – Нателла кивнула. – Тоже надо прояснить. Судя по паспорту, вы не женаты. Но, быть может, у вас есть близкая женщина, которая может застучать ваши визиты сюда, потом ревновать?

– Женщин у меня вагон, – честно признался я, как если бы разговаривал с женщиной. – Но ни одну не допускаю к себе до такой степени, чтобы она следила, кому звоню и куда еду. Меня волнует другое.

– Слушаю.

Похоже, наш разговор и в самом деле поднялся на деловые высоты.

Во всяком случае, мне было легко, даром что я был в одних трусах.

Дома у меня стоял такой холод, что я ходил в свитере. Здесь было тепло, как летом.

– Где появятся эти фотографии? Только в журналах или в инете тоже? где могут появиться журналы, как открыт доступ к сайту? Я, конечно, не патриарх всяя Руси, но и не охранник из «*Полушки*», на работе не последняя должность, и...

– Понимаю-понимаю, Владимир. С этого стоило начать. Крупные планы, я полагаю, вас не волнуют. На вашем теле нет особых признаков, узнать вас может только очень близкий человек. Но жены у вас нет, а на работе вы вряд ли машете членом перед сослуживцами.

– Не машу.

– Тогда это не страшно. А если в кадре будете с лицом, мы вас замаскируем.

– Каким образом?

Мне стало интересно.

Все-таки любая новая сфера что-то привносила в жизнь.

– Можете работать в маске.

– В какой?

– Вариантов много. Есть дурацкие: Микки-Маус, барон Мюнхаузен, еще всякая дрянь. В них тяжело. Есть эластичные, вроде спецназовских шапок с дырками для глаз.

– И я буду как зомби?

– Типа того. А можно уже на фото поставить виртуальную маску – размыть лицо специальной областью. Но это ухудшает восприятие кадра. Лучше всего наклеить усы а-ля Кларк Гейбл. И лицо сохранится, и родная мать не узнает.

– Пожалуй, вот это оптимально, – согласился я. – Усы кого угодно сделают неузнаваемым.

– Подберем. Позже, когда дело дойдет до серьезной сессии, – сказала Нателла. – А сейчас раздевайтесь наконец, я на вас посмотрю.

Она отошла, опустилась на стул, закинула ногу на ногу.

В позе сквозил глубокий, бесчувственный профессионализм.

## 4

– Что ж, собеседование прошло на ура, – констатировала Нателла. – У вас прекрасная статья, вы универсал.

Снять трусы и показать себя оказалось проще, чем я думал.

Сейчас мы сидели у колесного столика: Нателла в джинсах и рубашке, я голый, как король – и пили кофе, который она прикатила из кухни.

Чашки тут были тонкие, с аккуратными ручками, а кофе оказался очень хорошим.

– Будем работать, Владимир, – сказала она, сделав глоток и держа блюдце на весу.

– Будем, – подтвердил я, тоже немного отпив.

– Ну если так, давайте на «ты» и просто Володя?

– Давайте, Нателла.

– И не Нателла, а просто Ната, окей?

– А вот это – нет! – возразил я. – Ваше имя нравится в полном варианте, хоть и не пойму, чье оно.

Я не стал говорить, что однажды в моей жизни случилась Наташа, которую я называл Натой.

Она высосала столько крови, что не хотелось вспоминать.

Я еле ускользнул из-под венца, спасся в самый последний момент.

Именно после этой «Наты из ваты» я постановил ни с кем всерьез не сближаться.

– Греческое. Папа был греком, мама русская.

– Откуда вы взяли в нашем башкирнике? – спросил я.

От эпитета «*мерзопоганый*», привычного в аттестации родного города, я все-таки удержался.

Тут были нередки смешанные браки. На чеках супермаркета то и дело приходилось читать нечто вроде «*кассир Иванова Лариса Акбердовна*».

Муж Нателлы мог оказаться башкирином, а я не хотел ее оскорблять.

– Ума не приложу, – она легко рассмеялась. – Ладно, Володя, если нравится, называйте меня по полному. А если хотите – Эллой, это короче. Так тоже иногда звали.

– «Элла» – самое то!

Я обрадовался.

Такое усечение имени полностью отрывало хозяйку студии от той чертовой Наташи.

– Так вот, Элла, – заговорил я дальше. – Никогда бы не подумал, что соберусь сниматься для порножурналов. Если кто-то узнает – не поймут. Хотя близких друзей у меня нет, узнавать некому.

– Наши соотечественники – на девяносто процентов дебилы и ханжи. Даже тот, кто понимает суть, прикидывается страусом. А между тем, порнография есть важнейшее из искусств.

– Важнейшее? – переспросил я, усмехнувшись. – Ильич от таких слов перевернется в хрустальном гробу.

– Важнейшее и нужнейшее.

– Даже так?

– А вы как думали?

Нателла отставила чашку.

– То есть – извините – а ты как думал?

– Если честно, не думал никак, – признался я. – Ты правильно сказала – «*страус*». Смотрят все, не признается никто.

– Так вот.

Она подняла палец.

– Качественная порнография дает полноту жизни всем, кому реальное недоступно. Под-  
ростку, которому запрещен секс. Супругам, которые прожили тридцать лет, но не желают  
ходить на сторону. Старику, который еще хочет, но уже не может. Инвалиду, прикованному  
к постели. Полярнику в Антарктиде. Космонавту в железной бочке, закинутой на орбиту...

Я покачал головой.

Такие глобальные мысли не посещали меня никогда.

– ...И так далее. Порноактеров никто не рассматривает всерьез, но Джианна Михаэлс  
принесла людям неизмеримо больше пользы, чем какая-нибудь Любовь Орлова.

– Смелые слова, Элла, – сказал я. – Но патриотисты свернут за них голову. Да и вообще,  
считается, что порнография – это стыд, позор и удел моральных уродов.

– Моральные уроды те, кто это говорит. А мы...

В кармане джинсов у Нателлы заверещал телефон.

– Извини, Володя, вынуждена отвлечься.

Она встала, вышла из комнаты, затворила за собой.

Я сидел на месте, допивал кофе, и чувствовал, что жизнь поворачивается неожиданным  
боком.

## 5

– Очередной кандидат? – поинтересовался я, когда Нателла вернулась.

– Кандидатка.

Я вспомнил, как она сказала, что женщин фотографирует Каша, но ничего не стал выяснять.

В незнакомом мире каждую минуту возникали новые загадки – и это, кажется, радовало.

– Володя, нас прервали, а я хотела сказать, что ты можешь заниматься очень важным, очень полезным делом. Сам того не зная, будешь помогать многим людям.

– Постараюсь.

– Порнография несет все живое, что есть в жизни.

– Элла, вы... то есть ты просто сыплешь афоризмами!

– Но все еще на свободе, – подхватила она. – Ну, значит, так. У меня есть время перед следующей моделью. Сделаем оценочную фотосессию?

– Оценочную?

– Ну да. О лице не будем беспокоиться, это для внутреннего пользования. Пофотографирую так и сяк, чтоб понять, насколько ты фотогеничен как порномодель.

– В голом виде? – уточнил я, хотя все было ясно.

– Нет, в водолазном скафандре.

Нателла поднялась, откатила столик к стене, куда-то нагнулась, чем-то щелкнула.

С легким треском вспыхнули лампы.

Мне показалось, что белый свет хлынул из стен, пронизал воздух, поднял пол к потолку.

– Становись! – скомандовала она.

– Куда? – спросил я.

– Туда! – Нателла махнула рукой. – Встань на бумагу, только осторожно, валик держится на честном слове, может размотаться.

Я вступил в жаркое сияние.

– Давай...

Что именно давать, я не расслышал, не только ослепнув, но и оглохнув от сияния.

Я чувствовал себя легчиком, попавшим в лучи вражеских прожекторов и полностью парализованным.

– ...А теперь...

Слова еле пробивались сквозь плотную белую толщу.

– Что – «теперь»??!?!

Я гаркнул во всю силу легких, хотя Нателла наверняка слышала нормально.

– Повернись! – раздался столь же громкий ответ.

Вероятно, подобное случалось с каждым, кто впервые попадал под студийные лампы; она знала, что делать.

– Как?! – крикнул я.

Лампы нехотя погасли, вернулась действительность.

У Нателлы на груди висел фотоаппарат с огромным объективом; я даже не заметил, откуда он взялся.

– Элла, я потерял ориентацию, – посетовал я.

– Привыкнешь, Володя, со временем, не все сразу, – успокоила она. – Ладно, свет убавлю, буду снимать со вспышкой.

Я перевел дух.

– Не думай ни о чем, расслабься и сконцентрируйся на себе. Не обращай внимания на фотоаппарат. И обо мне забудь, меня тут нет.

## 6

Региональная трасса *P-240* тихо шипела под колесами.

На обочинах еще серел снег, но асфальт, посыпанный какой-то дрянью, был чистым.

У меня имелась привычка выезжать из города и колесить по округе, когда в жизни происходило нечто, требующее переосмысления.

Выйдя от Нателлы, я отправился в такую поездку.

Равновесия не пришло, домой я возвращался в неустойчивом состоянии.

Наш город распластался на горах; его ограничивала река, текущая с севера на восток.

Перед самым мостом меня подрезала черная «*Соната*» в древнем, тусклом и помятом кузове.

Водитель – невидимый на просвет сквозь насмерть тонированное стекло – высунул в окно руку с поднятым пальцем.

Я не выругался, не обозвал сонатчика ни «*деревенской мордой*», ни хотя бы «*обезьяньей задницей*»; я пребывал где-то очень далеко.

На ближней горе, справа от моста, торчал обелиск.

Сооружение, называемое «*Монументом согласия*», было воздвигнуто еще при советское власти.

Оно символизировало воссоединение местных народов, якобы происшедшее в тьмутараканские времена.

Сейчас фаллический символ нагнал странные мысли.

## Глава вторая

### 1

– Слушай, Вова, я хочу покурить!

Ирина заправила в бюстгальтер уже вытащенную было грудь, опустила джемпер, одернула юбку.

– Покури, Ира, покури, – разрешил я, с сожалением отпустив ее горячие ягодицы. – Пять минут ничего не решат.

– О чем и говорю. *«Пять минут, пять минут»*...

Она пошарила в сумке, лежавшей на тумбочке, что-то достала.

– ...Минута туда, минута обратно. И там пять от силы. Только я тебя запрю снаружи, хорошо? А то ходят всякие. Явится ко мне кто-нибудь из наших, потом не выгонишь...

– Хорошо.

Действительно, какие-то минуты ничего не стоили; мутное течение жизни их не замечало.

– Я бы пока принял душ, да не взял полотенце, – посоветовал я. – Умен, как татарин после обеда.

– Вова, не сходи с ума, – ответила Ирина. – Если мы собираемся трахаться, нам ли делиться полотенцами? Возьми там мое, с красными полосками.

В чувственном мраке прошуршали шаги, на секунду открылась дверь, полосой пробежал коридорный свет, донеслись голоса.

Потом проскрежетал замок и все стихло.

## 2

Я поднялся.

Кровать заскрипела; на своем веку она видала многое.

Санузел был простеньким, но чистым, Иринино полотенце казалось совсем свежим.

Вода ласкала. В нашем городе из кранов текла совсем другая.

Зеркало запотевало медленно; я мылся и разглядывал себя.

Неожиданно вспомнилась порностудия.

Я уже затруднялся подсчитать, как давно все случилось.

Нателла легко склонила меня к пробам, но едва погасли лампы, как что-то сместилось в моем восприятии.

Труссы я натягивал, повернувшись к Нателле спиной.

Я знал, что мой пенис зафиксирован в доброй сотне кадров. Но показывать его опять казалось невозможным.

Я просто стеснялся своего тела, уже не понимал, как пять минут назад вертелся так и сяк.

Нателла уловила мое состояние, ни о чем порнографическом больше не заговаривала, только еще раз сделала кофе, который мы выпили почти молча.

На прощанье она сказала, что ждет моего звонка относительно дальнейшего сотрудничества.

Решение оставалось за мной; я получил карт-бланш.

Уже следующим утром я постановил, что вчерашнее было не со мной.

Я не позвонил Нателле ни на неделе, ни потом.

Попытку следовало вычеркнуть из жизни.

Я ее и вычеркнул – тем более, что на работе сгущалось высокое напряжение.

Потеряв начальническую должность в обанкротившейся фирме, я устроился на аналогичное место в филиал крупной продуктовой сети.

Правда, взяли меня с испытательным сроком, его следовало провести на оборотах в «красной» зоне тахометра.

Так работать мне было не впервой; задача облегчилась тем, что мой предшественник развалил корпоративную сеть, довел ее состояние до критического. Контроля пользователей не было, менеджеры в магазинах проводили время за игрой в танки.

Я с дребезгом уволил системного администратора, представив начальству это как спасительный акт.

Затем я устроил конкурс среди старшекурсников авиационно-технического университета, нашел приемлемого, умного и дисциплинированного парня для администрирования сети.

Я велел установить программу для отслеживания активности и передавать дирекции сведения об играх, за которые сотрудников стали штрафовать.

В должности меня утвердили, сейчас направили на профессиональный тренинг.

Мне много раз приходилось бывать на хепенингах такого рода; все они проходили по одному сценарию.

Какой-нибудь столичный хлыщ неделю напролет нес бред, надерганный из американских бизнес-технологий, непригодных для России.

В России вообще не работало ничего из разработанного в цивилизованных странах.

Здесьние люди всегда все делали наоборот.

Нечесанные первопроходцы «покоряли» холодную, разъеденную гнусом Сибирь, не догадавшись завоевать Турцию с теплыми морями.

Кровавый шизоид из дома Романовых построил столицу в самом гнилом углу Европы, где не селились даже чухонские дикари.

Потомки тех и других запускали в космос говорящих обезьян вместо того, чтобы на земле изобрести хотя бы робот-пылесос.

Список допускал продолжение; у русской дурости имелось начало, но не имелось конца.

Народ, по злой иронии судьбы считающийся «родным», я откровенно презирал, поскольку уважать его было не за что.

Слушать разглагольствования о том, как надо делать дела в стране, где знания подменяются идеологией, не имело смысла.

Подобные мероприятия я воспринимал как рабочий отпуск.

Моя нынешняя фирма была челябинской, но тренинг почему-то проходил в Екатеринбурге.

Вероятно, очередной москвич из «тренинговой» компании отказался ехать в заштатный Челябинск, где даже шар в вокзальном фонтане на вокзале был не гранитным, а пластиковым.

В современных кругах центр уральской промышленности проходил под обидной кличкой «Ёбург»; ёбургом он и был.

Нас, собравшихся из нескольких регионов России, поселили в каком-то «оздоровительном комплексе» на улице Патриса Лумумбы. Там же шел и тренинг – с утра до вечера, с небольшими перерывами для еды.

Итогового контроля не предстояло, но требовалось абсолютное посещение, поэтому всю муть приходилось отсиживать с умным видом.

От гостиницы, расположившейся за объездной дорогой, до центра города было километров десять.

У себя дома я ездил на машине, общественным транспортом не пользовался, поскольку не выносил, когда кто-то оказывался ближе, чем в пяти метрах.

Здесь я оказался привязанным к месту.

Обстоятельства усугубились поселением.

Соседом по двухместному номеру у меня оказался добропорядочный гражданин из Чебоксар, который не пил, не курил, обладал нулевой эрудицией и не мог поговорить ни о чем, кроме протоколов *TCP/IP*.

Вдобавок он оказался заядлым шахматистом и в первый же вечер требовал партию.

Я ответил, что в жизни есть всего три вещи, которых не выношу; к ним относились шахматы, карты и пьяные женщины.

Сосед обиделся и отстал.

Однако это мало чесу помогло.

Вечерами напролет он лежал на кровати, играл и переговаривался по скайпу с каким-то таким же уродом.

Слушать щелканье клавиш и бормотание про «эф-два, же-пять», «ферзевой гамбит» и «защиту каракан» было невыносимо.

Вероятно, еще до конца тренинга я разбил бы соседу голову его же ноутбуком.

Ситуацию спас лесопарк, на краю которого притулилась эта сомнительная гостиница.

К удивлению, там было не так грязно, как на улицах.

Я бродил в одиночестве, любовался безмолвными ветреницами, слушал перестук веток, вдыхал весенние ароматы. Сквозь цветочные запахи пробивалась струйка грибов, но то была иллюзия: для них еще не настало время.

Параллельно с нашим тренингом, в соседнем конференц-зале, проходил региональный сэйлс-митинг какой-то фармацевтической компании.

По утрам в ресторане, где завтрак входил в стоимость проживания, перемешивались две разношерстные компании.

Среди нас, айтишников, преобладали мужчины; медицинские представители почти поголовно были женщинами.

Ирина – на вид моя ровесница – не выделялась чем-то особенным.

Но, тихо переговариваясь с коллегами за едой, она так стреляла глазами из-под узких очков, что не заметить ее было невозможно.

На третий день мы познакомились: я возвращался из леса, она курила у входа в гостиницу.

Я сразу почувствовал взаимное расположение. Дальнейшее было однозначным для взрослых людей.

Проклятый шахматист лежал на кровати, как приклеенный; жилых кварталов с квартирами на час в ближних пределах не имелось.

Сегодня – на четвертый день тренинга – Ирина подошла в обеденную паузу и сообщила, что ее соседки не будет до утра и мы сможем познакомиться поближе.

Я купил в ресторане бутылку коньяка на вынос, вечером пришел сюда.

Мы уединились, все шло по плану.

В самый последний момент Ирине захотелось покурить.

Я не возражал; каждый имел право на свои привычки.

Тем более, что появилась возможность заняться гигиеной; в своем номере соседство пещеника лишило меня удовольствия даже от этого приятного процесса.

Я мылся без спешки, но когда вышел из душа, ее еще не было.

Стояла тишина, еще более тихая из-за чьих-то отвратительно молодых голосов, булькающих в коридоре.

Под окном горели нервные оранжевые фонари, их свет отражался от потолка, дрожал в бутылке, стоящей на столике между кроватей.

Осень подступила всерьез; стемнело рано, ночь была прохладной.

В этом постоялом дворе халатов не выдавали. Я завернулся в простыню, потом накинул одеяло.

Некстати вспомнились теплая порностудия и ее хозяйка в красно-черной рубашке.

Я поежился, вытащил пробку, плеснул немного в стакан, выпил одним глотком.

Гостиничный коньяк был дрянным.

Ирина задерживалась.

Согреться никак не удавалось.

Вторая порция показалась уже не такой противной, как первая: видимо, дешевый алкоголь быстро сместил восприятие.

По столу запрыгал сонной лягушкой, потом заверещал мобильный телефон.

У меня на звонок был поставлен «Призрак оперы», тут раздался зашитый рингтон. Да и вообще, свой мобильный я оставил у себя, не желая ни с кем разговаривать.

Иринин, я, конечно, не собирался брать, но машинально взглянул на дисплей.

Там значилось имя «Боря».

Поскакав и поквакав, телефон угомонился.

Я налил себе еще.

Снова зазвенело; теперь звонил некий Коля.

Судя по всему, у Ирины имелся богатый спектр знакомств.

Она приехала из Саратова, но абоненты могли оказаться кем-то из малочисленных коллег по митингу.

Решив не мелочиться, я налил полный стакан и освоил одним махом.

Стало почти хорошо.

Ненужные воспоминания о Нателле ушли на третий план.

На второй отошла Ирина – которая, вероятно, была перехвачена Борями и Колями на междусобойное увеселение.

На первом осталась лишь темная, спокойная пустота.

В моем номере, вероятно, уже было приемлемо.

Черно-белый коногон – как и все чрезмерно порядочные люди – ложился с курами.

В моем номере ждал покой.

Но вернуться туда я не мог.

Замки в чертовой гостинице были устроены так, что запертая снаружи, дверь не открывалась изнутри.

Сам я этого не проверял, однако слышал за обедом.

Вероятно задумка отсекала форточных воров, которые не смогли бы выйти в коридор с баулами и чемоданами.

Я оказался запертым тут неведь до какого времени.

Ждать Ирину для продолжения уже не осталось смысла.

Подумав, я опрокинул последнюю порцию коньяка и перебросил тяжелеющее тело на кровать.

Телефон оживал еще несколько раз, раскидывал себя недобрые отсветы.

Но это было уже во сне и меня не волновало.

### 3

– ...Пё-сик, пё-сик, бе-лый херик...

Я вздрогнул и открыл глаза.

Ирина сидела на краю кровати.

– Это... что? – спросил я, еле слыша свой голос.

– Это стихи. Только что сочинила.

– Так не в рифму же!

– Зато здорово.

Я все-таки попытался поймать губами коричневый Иринин сосок, показавшийся в вырезе ночной рубашки.

Она отпрянула, поднялась.

– Вова, не надо! Времени нет!

– Но...

– Потом, потом! Вставай давай! Вставай, иди к себе. Резеда вот-вот вернется.

– Какая, к черту, резеда? – возмутился я. – Все цветы давно завяли!

– Резеда – моя соседка из Казани. Иди, иди. Встретимся внизу на завтраке. Там и поговорим.

Ко мне вернулась чувство реальности.

Я вскочил, торопливо оделся и поспешил восвояси.

Перед грядущим днем следовало хотя бы побриться.

## 4

– Ты что, вернулась только сейчас?

Ресторан был полон утренним гомоном; мы сидели вдвоем за маленьким столиком в углу. На нас никто не обращал внимания, здесь все оставались чужими друг другу.

Кофе был таким же отвратительным, как и коньяк – хотя, возможно, так лишь казалось.

– Нет, часа в три.

Ирина покачала головой.

Светлые волосы колыхнулись, очки блеснули без эмоций.

– Просто ты был пьяный, как пиписька. Спал на Резедушкиной кровати, бесконтактный, ничего не слышал.

– Ничего?

– Ничего. Не слышал, не видел, не реагировал. Хотя я включала свет, уходила и возвращалась.

– А где ты была? – поинтересовался я.

Оправдываться в своем «бесконтактном» состоянии я не собирался.

Не моя вина была в том, что пять минут затянулись на несколько часов.

– Ты не поверишь, я не могла попасть в номер!

– Почему не поверю, – я пожал. – Я вон выйти отсюда не мог. Эта гостиница – какой-то город Зеро.

Голова, еще несколько минут назад свежая от прохладного душа, снова начала наливать свинцом.

Разумнее всего было выпить граммов сто пятьдесят водки – из-под полы по раннему часу.

Но полубритый московский кретин ходил по рядам, мог учуять запах, а я не хотел скандала.

– Представь себе, Вова, пошла покурить, никого не трогала, даже отошла от крыльца. С собой ничего не взяла, ни сумочки, ни пакета. Сигарета и зажигалка в кулаке. Прокси-карту сунула в манжету джемпера, думала, куда не денется.

– Надо было в трусики спрятать, – вставил я, уже догадываясь, к чему идет рассказ.

– Дура, не подумала... Ну, в общем, покурила, полюбовалась на звезды. Медведицы, кстати, были хорошо видны. Взглянула на себя в стеклянную стену. Вижу – растрепалась. Подняла руку поправить волосы, карта и выскользнула...

– Эдвард Мерфи почил, но его законы действуют даже в Ёбурге.

– ... А там как раз был люк – ну, ливневой сток, такой длинный, вдоль фасада. Она упала в решетку, и все. Конец котенку.

– Тяжелый случай, – согласился я. – Но почему ты не пошла на ресепшн? За карту, конечно, выписали бы штраф, но открыли универсальной, а тебе запрограммировали новую.

– Ты понимаешь, там произошел пересменок. Я выходила – одна портье сидит, заглянула – уже другая. А я без ничего. Фэйс-контроля в таких шарашках нет. Поди докажи, что постоялица, а не проститутка.

– На проститутку ты не похожа, – возразил я.

– Это как сказать... Ну, в общем, я понимаю, можно было настоять на своем, прийти с ней к себе, показать паспорт. Но ты представляешь, что бы было: портье отпирает дверь, а в номере, где прописаны две женщины – голый мужик.

– Я был не голый, в одеяле. Но ты права: эта дрянная гостиница целомудренна, как «Пионерская зорька». Даже по ночам не предлагают проституток, ситуация была бы патовая.

– Именно что патовая. Мальчиков тоже не подгоняют, это тебе не Москва, – согласилась Ирина. – Была бы бомба, брошенная в курятник. Все бы всплыло и поплыло дальше.

А в нашей компании такие порядки... Год бы полоскали мое имя, типа я сэйлс-митинг превратила в блядки.

– Верю, – согласился я. – Мне-то как мужчине по барабану, а тебе как женщине неприятности.

– Правильно понимаешь.

– А что тут понимать? Россия – царство ханжей с однобокой моралью. Если гуляет мужчина, он – мачо. А если женщина – она блядь.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.